

Ушли в сказанья

Усуни, юэчжи, хагясы, ди и сянбхи... что за племена неслыханные? Как трудно переводить иероглифы в русское письмо. Но как интересно заглянуть в такую древность, когда Руси ещё не было! Монах Иакинф вздохнул и обмакнул гусиное перо в фарфоровую чашу.

Едва-то едва добился отправки в Китай, в православную миссию – хотелось обращать большой жёлтый народ в христиан. А попал сюда – заскучал. Хоты разбеяся, не доходит наша проповедь до китайцев. Успехи русской миссии в Поднебесной – нуль да и только. Зато начал читать китайские летописи – и канул в них, не оторваться от рукописей.

Историей-то давно увлёкся, ещё в духовном училище, а звался в миру Никитой Бичуриным. В Поднебесной, став отцом Иакинфом, почти забросил то, ради чего сюда ехал. Загадки Востока, немало их. Среди других упомянут в древних хрониках народ *динлин*: «жители вообще рослы, с рыжими волосами, с румяным лицом и голубыми глазами». Это что же, европейцы в древнем Китае? На юге их называли *ди*, а на севере *динлин*. Поди вот пойми этих китайцев: народ *ди* не считали пришлым, а языка его не понимали, называли его птичьим.

Со времён великого потопа бесконечные войны вёл народ этот и не раз побеждал лучшие войска, числом превосходящие. Наконец в 2600 году до Рождества Христова «рыжеволосые дьяволы» потерпели поражение и ушли сквозь Гоби на север, исчезли там на тысячу лет. Облегченье южным городам! А не тут-то было, в 1200 году до нашей эры «рыжеволосые дьяволы» вновь одержали победу. Саянское нагорье китайцы назвали с той поры Динлин. Здесь *ди* властвовали, пока их самих не подчинили *сюнну*. И вновь известие о них: в 98 году до нашей эры, когда уже эти победители, хунны, терпели поражение, шаньюй (вождь их) призвал рыжих, длиннолицых воинов из-за гор. «К нему явились динлины – рыжебородые великаны в деревянных доспехах с оружием крайне острым». Они шли в авангарде, а после разгрома их «Ши Минь издал повеление предать смерти до единого хунна в государстве, и при сём убийстве погибло множество китайцев с возвышенными носами». А откуда взялись коренные ханьцы «с возвышенными носами»? Понятно, динлины смешались с ними за тысячи лет.

К «поколениям скифов» приписал их Бичурин. Потом нашли богатые плиточные могилы, а в них – погребальные маски. Ни на китайцев, ни на монголов динлины не похожи. Китайцы сочли народ *ди* родственниками *усуней* (исседонов, северных скифов). Так и передавалось из столетия в столетие. Храбрейшие воины из племён *ди* татуировали правую руку. Такой обычай был и у скифских воинов. Пришло время, на Амуре появились казаки, и грамотные китайцы решили: это усунь вернулись с дальнего Севера. Куда же подевались «рыжебородые великаны»? Вопрос повис в воздухе. Перебиты бесследно? Нет, ещё и в X веке в войске киданей

(от этих завоевателей, древних монголов, название Поднебесной империи) было «белокурое племя, шедшее всегда в авангарде». В рыжебородых батырах рода Борджигин (из него Чингисхан) также видели потомков динлинов.

Всё глубже, век за веком, погружался в древность Азии Никита Яковлевич Бичурин – монах Иакинф всё больше остывал к делам миссионерским. И его наказали: отозвали в Петербург и сослали в монастырь на острове Валаам, на Север. Но и там, в тесной келье, размышлял он о китайцах, гуннах и ранних монголах – сяньби и жужанях. Академия наук признала в нём первого русского китаеведа, и он стал её членом-корреспондентом. А судьба белой расы на Китайской равнине взволновала наших историков не сразу...

О динлинах вспомнили, когда столкнулись с айнами – с коренным населением Японских островов и Сахалина. Бороды лопатой, головы курчавы, на руках и ногах волосы, чего нет у китайцев и монголов. Японцам айны не родственны, а похожи на австралийцев и, отчасти, на индейцев. На Севере нашли в толще отложений череп женщины не монголоидного типа. Родство этой жительницы Северо-Востока с островными народами – айнами, нивхами и алеутами – несомненно. Так вот они, следы динлинов?

Сто лет не прошло, и новые историки столкнулись с загадочными народами на азиатском Севере. Из легенд и сказаний всплыло имя одного из них: *сихиртя*. В середине XVIII века путешествовал по тундре географ Лепёхин, ученик Ломоносова. Он первым рассказал о загадочных сихиртя: «Вся Самоядская земля в нынешней Мезенской округе наполнена запустевшими жилищами некоего древнего народа... Русские называют сии домовища чудскими жилищами. Сии запустевшие жилища, по мнению самоедов, принадлежат некоторым невидимкам, собственно называемым по-самоядски сирте»; «У самоедов и других северных народов существуют предания о живущих под землёй людях. Самоеды называют их Сиртье и говорят, что это народ, занимавший их страну раньше их и который после их прихода ушёл в землю и живёт ещё там». Не начало ли легенды о подземных городах?

Преданья тундровых «самоедов» рисуют людей начальных веков. Вот Сихиртя яха – река, рыбой обильная, а никто не живёт на ней, только брошенные землянки провалились. Ходят здесь сказанья о встрече с народом, обитающим под землёй. Назвали этих людей *сихирц* – исчезающий, чуждающийся: увидит незнакомца – шмыг под землю. В нору прячущиеся – так назвали их ненцы, а как сами себя называли они, не записано. «Ехал ненец по тундре и вдруг видит двух людей. Они играли около обрыва. Как только увидели человека с оленями, сразу скрылись – как будто под землю. Ненец постоял и увидел на месте, где они играли, мешочек, украшенный разноцветными камнями. Он взял его, а сам спрятался неподалёку. Через некоторое время появились незнакомцы, стали искать свой мешочек. Когда оленевод вышел из засады, они снова скрылись, а он мешочек положил на место и спрятался. Неизвестные снова появились, взяли мешочек и исчезли. Больше не появлялись. Ненец понял, что это были *сихиртя*». Ростом малы, а лицом красивы, из нор своих выходят только ночью.

А сказанья Западной Сибири говорят о чуди белоглазой: «Как выросла белая берёза в урмане, так и пришёл белый царь и завоевал весь край. Не захотела Чудь белому царю покориться, под землю ушла тайными пещерами. И захоронилась камнем. Время придёт – ещё возвратнётся». Чем это напугала их белая берёза?

А вот чем. В нетронутой тайге берёза не растёт, березняк разрастается после лесоповала. А коренные жители тайги живое дерево не валили, в отличие от русских. Вот почему в Сибири называли берёзу «русским деревом». Для славян она оберегающее древо, родное и милое, о ней пели колыбельные и любовные песни. Чудь же увидела в ней знак зловещий: придёт белый царь и завоюет весь край...

А в уральских сказах это пути чудских рудознатцев. Так и ушли нивесть куда и знанием ни с кем не поделились. Куда ушли, какими дорогами, о том свои сказанья. Живёт под горами чудный зверь мамонт-щука, роет широкие норы и трясёт землю. Вот он-то и создал подземные ходы для племён ночи. «Есть горы, заходят они к заливу морскому, высота у них как до неба, и в горах тех стоит клич великий и говор, и секут гору, стремясь высечься из неё; и в горе той просечено оконце малое, и оттуда говорят, но не понять языка их, но показывают на железо и машут руками, прося железа; и если кто даст им нож или секиру, то взамен дают меха...» Это Нестор-летописец передаёт рассказ новгородца Гюряты (XI-й век). Из устных сказаний чудь переселилась в летопись. Ушла Чудь в мир мамонта, но объявится на свет по скончании века сего.

Слово «Нарым» (*нэрэм* – болото) в легенде стало именем жестокого властелина. – «Где Нарым? – спросил Ермак у Тумадана. Не видать Нарыма. Никакой приметы жилья нет. Хитёр старший брат. Вышли казаки на берег. Прошлись по самому яру.

– Ухом слушай, глаза закрой, – сказал Тумадан. Прислушался Ермак: бубенчики какие-то побрякивают, а где – не понять. А это, пояснил Тумадан, жена самого Нарыма шла под землёй, монистом, дорогими украшениями позванивала. Ермак догадался: где бубенчики или монеты перестанут звякать – значит, вернулась она к мужу. Там Нарым и находится. Стихло под землёй. Ермак подал знак пушкарю: сюда, мол, ударь. Сделал тот из земли дым, взмыл вверх столб песка и глины. Пропал Нарым – старший брат...

Ермак спросил: – Почему в земле живёте? Разве солнце не любите?

– Любим очень, да Нарымовы мы люди были.

– Живите под солнцем. Никто вас не тронет».

Даже до Европы дошла легенда о подземных сибирских городах. Названия их – Грустина и Серпонов: «От устьев реки Иртыша до крепости Грустины два месяца пути, отсюда до Китайского озера по реке Оби, которая, как я сказал, имеет в этом озере свои истоки, более чем три месяца пути. От этого озера приходят в весьма большом количестве чёрные люди, не владеющие общепонятной речью, и приносят с собой разнообразные товары, прежде всего жемчуга и драгоценные камни, которые покупают народы грустинцы и серпоновцы». Это «Записки о Московии» австрийского посла Герберштейна (первая половина XVI века). Сомнения нет: образ подземного города возник в Сибири. Загадочные сихиртя северных преданий слились с чудью русских легенд. А может быть, они одного корня?

Великое кочевье

О, как дышит степная воля – чабрецом и полынью, серебристыми волнами ковыльными, полоном редкого кустарника! Нет её милее для кочевника. Щёлкнет кнут, нежно вздохнёт трава под копытами, и торжественно двинется обоз с юртами в страну незнаемую. На повозках – только старики, женщины и дети, мужчины все в сёдлах. Радость переезда от реки к реке, спуска с гор в долины – выше всех радостей.

Всё важное на виду: охота, война и стада травоядных. А ещё посвящение в воины и клятвенное братанье. А ещё львы и хищные птицы, терзающие коней. А ещё грифоны – грозные птицельвы, защитники и мстители. Фигуры их воины выкалывают на груди и спине: это обереги скифа. Горе тому, кто осквернит курган, растерзают его крылатые львы. В нашем, среднем, мире грифоны появляются после битвы, чтобы унести душу погибшего к солнцу, в верхний мир. А знак души – олень.

Земля кочевий – от Карпат идёт она до Китая. И на ней цепью встали курганы. Много столетий молчали они, а когда заговорили, поразили далёких потомков их сокровенные вести. Как будто со дна колодца зазвучали голоса титанов. Грифон несёт голову оленя – душа переселяется к предкам. Тут сокровенная тайна имени народа: *сака* – олень. Кочуют верхом на конях, но в праздник головы боевых коней украшают орнаментом оленьих рогов. И надгробие воина – олений камень на холме. А рисунки на кошме, золотые статуэтки и серебряные кувшины – на них тоже олени.

Семь богов на небе. Всем вместе воздаётся хвала им во все праздники, а больше всего в День большого солнца. И только богу войны отдельное почитанье и праздник ему особый. Знак его – меч, поставленный на горе хвороста. Каждого сотого пленника убивают и кровью меч обагрят, а потом поджигают хворост – в знак очищенья.

Кто не может воевать, тот презираем. Таких не допускают на общее собрание. Саки – это народ-войско. И преданья их – о прежних походах, о том, как геройствовали деды. Каждый мальчишка хочет стать великим воином и бросить к ногам царя двадцать вражеских голов. Перед боем надо задобрить богов, и каждый воин клянётся очагом и тенью предка. А самая крепкая клятва – царским очагом. За ложную клятву полагается казнь. Об этом шло по степи особое преданье.

...Сотни лет пели песню-преданье, но и она ушла из памяти. В День большого солнца, в главный праздник, на Оби, реке великой скифской, собирались племена на праздник. В красных свитках сколоты гарцуют, это всадники дружины царской; с гор лесных спустились исседоны, притащились с запада меоты; шли к царю с дарами кумандинцы и сабиры на оленных нартах. Будет ночь костров, пир меж огнями и неслыханные жертвы небу.

Но всем отпущены дни жизни и смерти, такова уж воля солнца. Умер на охоте царь, старый воин, в боях непобедимый. Самая верная наложница пошла за ним в землю, и самые верные слуги жить без него (так говорят) не пожелали.

Тело царя возили по горам и перелескам, и в знак великого горя воины раздирали себе лица, протыкали стрелами уши, царапали ножом грудь и спину. Всем велели нести дары к царской панихиде. Шестьсот лучших лиственниц, в четыре обхвата каждая, свалили и свезли в предгорье. И съехались вожди племён, больших и малых, и пожертвовали коней и рабынь своих, и курган воздвигли в старом месте, где хоронили только царей. Поручили царя-воина береженью грифонов. А они – горному льду, хранителю покоя.

Прошли века и века, и ослабела грозная сила грифонов. Явились в священные горы люди беспутные, бугровщиками прозванные, гробокопатели. Осквернили, разграбили славные курганы, ибо сами жили в скверне. Не на них самих, а на потомков пала кара небес, но об этом потомки не задумались.

«Скифы» – слово переводится с древнегреческого как *хмурый, злой*. Так это же бранная кличка! Самоназвание кочевников-ариев: *саки*. Сака – олень. Геродот утверждает: «персы всех скифов называют саками». И перечисляет их племена: сколоты, массагеты, сарматы, дахи, исседоны.

Особо возвышали саки бога войны. Ему – главные жертвы после боя: «Головы всех убитых им в бою скифский воин приносит царю. Ибо только принесший голову врага получает свою долю добычи, а иначе – нет». Геродот же описал их нравы: из черепов именитых врагов скифы делали кубки и пили из них в праздники. Этот обычай долго соблюдался в степи и после исчезновения скифской кочевой державы.

Персидский поэт Фирдоуси рассказал о *чёрном царе* Кае, предводителе кочевников-саков, опустошавших Иран. «Кайсаки» – это чёрные кочевники. Правда, поэт переложил преданья о набегах ранних тюрков, а племенное имя *саки* иранского происхождения. Оно перешло к казахам, тюркам по языку, а ещё русских бродников, живших на переправах, монголы называли *казаками*.

В горном Алтае есть славное место Пазырык – пять царских курганов. Долина царей в тайге, среди лесистых хребтов! И вот чудеса: с V века до нашей эры сохранились ковры, уздечки и даже татуировка на телах погребённых! Горный холод сберёг, вода замёрзла и сохранила тела на две с половиной тысячи лет. А могильник Аржан в Туве – звериная Атлантида, десятки изображений животных и кости жертв. Для этого сооружения свалено больше шести тысяч лиственниц и сосен. На тризну съехались вожди двадцати четырёх подчинённых племён с большими дарами. Седьмой век до нашей эры – время могущества восточной сакской державы. Пазырык и Аржан – золотой век восточной Скифии.

Не покорили саков ни древний Египет, ни Иран, ни цветущая Греция, победило их время. Но исчезли они не бесследно: после распада сакско-сарматских государств ещё тысячу лет сохранялся в культуре сибирских племён скифско-звериный стиль.

Дети волчицы

Давно это было, нынешних людей раньше, старого поколения после... Как сотворились звери и птицы, тогда и жила мать-волчица. Лучшие земли принадлежат с той поры сынам её славным...

Враги перебили в ночном набеге всё племя, в живых остался один мальчик. Но и его бросили в болото с отрубленными руками и ногами. Здесь нашла его серая волчица, зализала раны, выходила умиравшего и...прижила от него сыновей. Враги всё-таки настигли калеку и убили его, а волчица бежала на Алтай и родила там десять братьев, десять сынов-мстителей. Они дали начало десяти родам, и один из них – Ашина – начинает народ *тюрк*.

Мать-волчица – трепет врагам несёт она. Ещё загадочнее Кумай, птица-волчица, она выводит щенков из яиц, и горе тем, кто вызовет их ярость. Крылатая волчица, мать мстителей, – как не узнать её на знаменах яростной гуннской гвардии?! Оскаленные волчьи пасти стали орнаментом: волки рычат на знамёнах тюрков. Через века ударные части монгольского войска всё еще назывались *бури*'. Слово вошло и в русский язык как прозвище одиночки: *бирюк* означает угрюмый, как волк. Поклонение волку в каганатах слилось с культом хана-повелителя. На небе правит один властелин. На земле божественную власть его воплощает *каан* (европейцы произносили: *каган*), монгольская форма – *хаан*.

«*Мир с четырёх углов врагами полон был. Тогда Бумын-каган и Истеми-каган пошли войной на всех, кто тюркам жить мешал, и покорили всех, и усмирили всех*». Из беды племя вывели великие герои, родоначальники тюркских племён. Рождались они по воле Неба (Тенгри), ведь только оно определяет сроки жизни племён и каанов. Волей вечного Неба явился в степи царский род Ашина. Ашина – имя первого хуннского вождя (от монгольского *ошо* – волк). Среди имён выдающихся завоевателей упускают одно: Моде, это Ашины. Он подчинил многочисленные племена и бросил вызов Китаю. Его потомок Бумын, или Тумынь, основал Первый тюркский каганат.

Побеждённых не называли тюрками, даже если они говорили на близком языке. Но дети пленниц выбивались в военачальники. По Сибири бескрайней и за пределы её расплеснулся древнетюркский язык, распался на диалекты и стал самой мощной группой языков в Азии. И среди многих народов сибирские татары, входили они в разные ханства и всегда помнили славу дальних предков.

Около трёх тысяч лет назад тюрки, шедшие с юга, на Саяно-алтайском нагорье столкнулись с державой саков. После её распада создали свою кочевую империю. Это время создания великой китайской стены. В трёхсотлетней войне с Китаем хунны потерпели поражение и ушли на запад. Там они известны уже как *гунны*. О великом переселении народов слышали все, а вот кто запустил эту лавину, – знают немногие. Вектор движения сменился: прежде с запада на восток шёл поток ариев.

Тень Чингисхана

– Бог на Небе и Далай-хан на земле – вот сила и храбрость. Бойтесь и повинуйтесь. Кто не повинуется, пусть умрёт.

Это дархаты собирают деньги на поминки по Чингисхану. Так из года в год, так прошли столетия. А где она, могила великого хана? Тайну эту знает Небо. Дархаты – хранители священного достояния монголов, их назначают из кузнецов. По преданью, молодой Темучин, ещё не имевший звания Чингисхан, был кузнецом, ковал сабли. А кузнечное дело для монголов сродни шаманству: Небо любит хороших кузнецов.

А по другому сказанью, Темучин – *докишин-бурхан* – от рождения был свиреп, семьдесят пленных князей живьём сварил в котлах. А по третьей легенде, он и был высшим из шаманов, и в судьбе его – воля безначального Тенгри. Любимец Неба, он вывел на свет народ, славы не знавший. Около полувека, до избрания ханом всех степей, Темучин вёл междоусобную войну: монголы воевали с монголами. Когда, в 1206 году, он объединил монгольские племена, «в год Тигра у истока Онона собрался народ его на курултай, и воздвигли они белое девятибунчужное знамя своё, и провозгласили Темучина Чингисханом». *Яса* Чингисхана – жёсткий закон: «Никто да не уходит из своей тысячи, сотни или десятка, где он был сосчитан. Иначе да будет казнён он сам и начальник...» Если один из десятка струсит в бою, уничтожается весь десяток, если десяток отступил – вырубят сотню. Великий завоеватель умер в походе, и могила его – тайна на века.

Вот послание его преемника Гуюк-хана Папе Римскому, кому подчинялись короли Западной Европы: «Силою Бога все земли, начиная от тех, где восходит солнце, и кончая теми, где заходит, пожалованы нам. Кроме приказа Бога так никто не может ничего сделать. Ныне вы должны сказать чистосердечно: «Мы станем вашими подданными, мы отдадим вам всё своё имущество». Ты сам во главе

королей, все вместе без исключения придите предложить нам службу и покорность. С этого времени мы будем считать вас покорившимися...»

Хан Угэдэй послал в восточный поход отборное войско под командованием своего племянника Бату, а тот создал Золотую Орду на Волге. Другому внуку Чингиса, Шейбани, отдали земли от Прииртышья до Арала, здесь сложилась Синяя Орда. А по другим сказаниям, улус по рекам Иртышу и Туре получил Тайбуга и основал Ишимское ханство. Тайбуга считается основателем города Чинги-тура, разрушенного Кучумом (ныне там Тюмень). Борьба шейбанидов и тайбугинов за Сибирское ханство длилось несколько сот лет.

Отдельная глава здесь – взлёт и гибель хана Синей Орды Тохтамыша. На престоле Золотой Орды он оказался после поражения Мамаю на Куликовом поле, но бросил вызов самому хромому Тимуру (Тамерлану) и потерпел поражение. После того ещё раз был разбит наголову и бежал обратно в Сибирь, где его и убили. В Орде поражения ханам никогда не прощали.

Вот урок истории: империя Чингисхана быстро развалилась. А дальше тёмные века Сибири, беспощадная резня двух ветвей чингизидов – шейбаниды воевали с тайбугинами. Хан Синей Орды Шадибек, убивший Тохтамыша, правил недолго, но также успел посидеть на престоле Золотой Орды: там иногда за год сменялось несколько ханов. Магмет убил Ибака, правителя Тюменского ханства, перенёс столицу в малый городок Сибирь и переименовал его в Кашлык. Город стал центром Сибирского ханства, но тут в судьбу его вмешалась Бухара. После падения Казанского ханства тайбугин Едигер признал зависимость от Москвы, которую шейбанид Кучум отменил в 1572 году. Этот потомок Чингисхана в тринадцатом поколении, придя из Бухары, бросил вызов Москве. В татарских сказаниях Кучум стал символом дорусской власти над *всей* Сибирью, хотя овладел он только Прииртышьем.

Джунгары при Чингисхане были войском левой руки – *зюнгар*. Хорошо воевали, все племена ясак везли им, чуть не со всей Сибири. А тут откуда ни возьмись – русские. Джунгары их не боялись, несколько острогов сожгли, к самому Тобольску подходили.

Пришёл Ермак, и сошлись три силы: с востока нагрянули буддисты джунгары, с юга – магометане Кучума, с запада – русские-христиане. Контайшу джунгарского погубила заносчивость: не побоялся воевать на два фронта. Видно, немало зла наделали джунгары китайцам: вырезать они стали джунгар поголовно. Меньше двадцатой части осталось джунгар, и побежали они на Волгу. И рухнула тысячелетняя слава. Понимать же надо: непобедимого полководца Небо один лишь раз избирает, а самозванцев наказывает.

Противостояние Орды и Руси закончилось в Сибири. Русь осознала себя преемницей Золотой Орды.

Встречь солнцу

Слава казачья – как она по Сибири шла? Не на конях, а на шитиках, на стругах да кочах. Ты вот подумай: от Урала до океана восточного – за полвека! А загляни в отписки атаманов – узнаешь, каково было: «Вмёрзли шитики в лёд до весны», «едим траву и коренья». Иностранцы тоже не с хлебом-солью встречали, судёнышкито, бывало, все стрелами утыканы.

Лет за восемь до Ермакова похода послан был за Камень князь Лыченицын с войском. И чуть ли не все служилые побиты были, на Русь-то мало кто возвратился. Брешут, будто кучумовцы худо воевали, татары, они искони воисты. А Ермак Тимофеич, он и того крепче вышел. С малой пришёл дружиной и Сибирь-город взял, и Кучума гордого согнал. А было это в лето семь тысяч восьмидесятое. В грамотёшке-то силён? Если нет, растолкую. 1492 год считали как семитысячный от Адама, вот к нему и прибавляй 89. Выйдет 1583-й. В котором году какой город ставили и какие дети боярские, и сколько письменных голов, сколько простых казаков было, – про то есть расспросные книги в Сибирском приказе, и в каждом остроге своя книга записная.

А шли-то казаки по *длинному уху*: от инородцев услышат про новую землю и айда в поход: «А улус тот зовут Атувас, а князь в нём Тормоши, а от Тормошина улуса ехати за Утчеркукуш, а в нём князь Каракула, ехати до того улуса 5 дней. От Каракулина улуса ехати до улуса, а в нём князь Чистаки, ехати 5 дней, а от Чиняева улуса до князя Тангичирика ехати 5 дней, а от Тангичирика улуса до князя Чертику ехати 5 дней, а от Чертурова улуса до князя Сеченнос ездю 4 дни, а от Чиниева улуса до Таинскатут ехати 4 дни, а от Тыскатулина улуса до царя Бушкuty ехати 3 дни...»

Четыре года от убиенья Ермакова прошло, а уж стояли остроги Обдорский, Сургутский, Кетский. В 109-м – Томский острог, из него уж Кузнецкий заложили и Енисейский. В них воеводы своим столом сели, ясак брали. Промышленные люди сразу со служилыми шли. У этих особый нюх на мех-то, а куда им без казаков – мигом перебьют. Зимовье поставят, из него уж острог вырастет. А в диких местах зазимовать, да без хлеба! Да цинга-то не щадит нашего брата, да иноверцы хитры. А всё равно коч ходит – следу не ронит. И честь себе не пицалью одной казаки добыли, а смелым напуском.

Острог поставили, приехал воевода – и конец казачьей вольнице. Воеводы, они же драли и с правого, и с неправого, и с инородца, и с русского. Люди, вроде, разные, но алчность им правило: а зачем бы они рвались в глухую Сибирь. Зачем по рекам да по тайге шли? По северу повели ведь лодьи, а не по тёплому югу. Думал ты об этом? Соболь манил, мех не зря чёрным золотом называли. *Ясак*-то чьё, думаешь, слово? Монгольское, – вишь, у кого научились. Приходит казачий отряд, берёт главных из племени, выкуп за них требует. А князьков к *шерти* склоняли, это клятва на подданство белому царю. Тут уж смотря по обычаю тамошнему: кто на медвежьей шкуре клялся, кто нож целовал, а кто шайтанов просил в болоте задавить его, если он от клятвы отступится.

Первое из чудес тут – Мангазейский морской ход. На кочах до Оби дошли вдоль берега Студёного океана. Зимовье поставили близ Обской губы, возвели из него городок, мягкую рухлядь возами в Москву везут. Из Мангазеи Пенда пошёл за своей звездой: на Енисей, а по Енисею до Нижней Тунгуски и три года пробирался в её верховья. Оттуда до Лены, обратно пошёл к Ангаре, потом из неё в Енисей. Пянда он или Пенда, только первым вышел он на Лену. И Ангару почти всю прошёл, и через пороги в своё Туруханское зимовье живым вернулся.

Или Пётр Бекетов – вот уж умная голова! Юнцом ещё в Сибирь пришёл, тут и обородател. Братский острог с войнишкой ставили, а братья-буряты, они сильно воистые. В стрелецкие головы произведён тут, и в Ленский острог его послали, а там в ту пору самые важные дела деялись. Острогов он с десятков поставил, да каких

– Братский, Якутский, Читинский, Нерчинский. Платить ясак склонял инородцев лаской да обещаньем. Ну, одекуй везли – бусы, стекляшки разные, там это в диво.

Хабаров прямой путь нашёл из Якутска на Амур. Ероха был, Ерофей Павлыч стал. Отряд сам справил, на свои деньги, и айда на юг да с боями немалыми. Байкал обошёл с востока, пробился на Амур, первый чертёж Амуру составил. Он сперва ведь *промышленный* был, пушниной торговал на Лене, землю пахать почал. Там же мешок сухарей стоил столь же, сколь и мешок со шкурками. О, Хабаров – это Ермак и Строганов под одной шапкой. А земли-то по Амуру-реке сплошь благоцветущие. Ну, прямо в рай зашли разбойники!

А на каждом шитике свой Пахом-рукосуй сидит-посиживает. Он, хитрюга, у кормила, у руля пристроился, ему всёлами махать вроде как не почётно. А как растрясут казаки ясырей-заложников, отберут у них соболей, он тут же половину их скупит по дешёвке. Скупит и сухари привозные да продаёт их втридорога тем же, с кем на неведомую реку ходил. И смотришь, воевода с ним уже за ручку здоровается: ладно ли поживаешь, Пахом Иваныч? А все кругом Ивашки, Тришки да Никишки. Казаки иные, а первой других атаманы-сотники, смотрят да на ус мотают.

Или Михайла Стадухин, этот полторы тысячи вёрст Охотского берега описал. Сам составил чертёж всех мест Якутии и Чукотки. Он и реки Колымы открыватель, острог Нижнеколымский ставил. Куда как бесстрашный был, а худая слава шла: бунтовщик и грабитель. Он же отряд Дежнёва ограбил, когда тот с заморным зубом-то возвращался. Еле-еле живые шли, а нарты волокли на себе. Да и Хабаров жесточью своей недалеко от него ушёл, недаром дважды под стражей сидел. За то уж в боях, тут нет им равных. Одно слово – отпетые головушки.

Иван Москвитин – этот другой был, первым вышел к Охотскому морю. Службу казачью начал в Томском остроге, в дальние походы хаживал и в Якутск попал. Пишет воеводе: тут вдоль по морю большого зверя морского бьют. Значит, и нам можно, наши кочи лучше будут. И богатая же земля: «А те де реки собольные, зверя всякого много и рыбные, а рыба большая... только невод запустить и с рыбою никак не выволочь».

Семён Дежнёв и Федот Попов на семи кочах вышли, человек девяноста их было, а только с одного коча живые-то вернулись. Рыбий зуб они искали, или как его, клык моржовый, и нашли его, да мало довели – неделями в снегу ночевали. Кто-то скажет: те, мол, погинули, а Семёну вся слава досталась. Какое там! Потерялись в Сибирском приказе его расспросные листы, их же через двести лет нашли-то. Не простой, видать, человек был он, Семён-то, раз понял, что из одного океана в другой прошёл. Как *Необходимый нос* обогнули они, тут и смекнул: солнце-то слева всходило, а теперь встаёт сзади.

Вот не простое имечко: Владимир Атласов, пятидесятник из Якутска. В наказной памяти велено ему было вверх ходить для ясадного сбора, а он и вниз по Камчатке ходил. Камчадалы и коряки меж собой давно воевали, и коряки пошли с русскими. Атласов составил две *сказки* о Камчатке, обширное понятие дал о животных и растениях. А жесток бывал, взбунтовались казаки и убили его, атамана своего убили. Такая ему вышла плата за то, что Камчатку к Русскому государству присоединил.

Гибли они немалым числом, хоть служилые люди, хоть охочие. Жалованья хлебного по десять лет не видали, но их силой государство прирастало, Сибирь просыпалась. А границ-пределов земли сибирской никто ведь не знал, ни где она кончается, ни сколько ещё языков её заселяют.